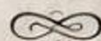

ЖИЗНЬ В КРЕДИТ

Сборник рассказов

СПАСИБО, ЧТО ВЫБРАЛИ ЖИЗНЬ

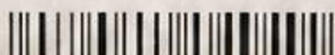

ЧЕК ЗА ЖИЗНЬ

.....
ПАМЯТЬ СПИСАНО
7 ЛЕТ ЖИЗНИ СПИСАНО
ТАЛАНТ ПЕРЕДАН
БОЛЬ ОТСРОЧЕНА
ЛЮБОВЬ В КРЕДИТ
.....

ИТОГО:

ЖИЗНЬ

— ОПЛАТЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ —

Ариэль Вернер

Ариэль Вернер

Жизнь в кредит

«Автор»

2026

Вернер А.

Жизнь в кредит / А. Вернер — «Автор», 2026

Что, если однажды за мечту придётся платить не деньгами? В мире «Жизни в кредит» уверенность можно оформить по подписке, воспоминания – заложить, боль – отложить, талант – купить, а покупки оплатить днями собственной жизни. Девять самостоятельных историй ставят обычных людей перед необычным выбором: спасти близкого, дать ребёнку будущее, вернуть любовь, избавиться от боли, получить второй шанс или стать тем, кем всегда хотелось быть. Технологии предлагают решение быстро и удобно. Условия кажутся разумными. Цена – терпимой. Пока не приходит время платить. Это сборник о любви, памяти, долге, страхе и свободе выбора. О мире, где человеческие слабости превращены в бизнес-модель, а самое ценное получает точную стоимость. И главный вопрос здесь не в том, сколько стоит желаемое. А в том, сколько можно отдать ради него, прежде чем вместе с долгом потерять самого себя.

© Вернер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Подписка на себя	5
Память плюс	11
Нулевая ставка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ариэль Вернер

Жизнь в кредит

Подписка на себя

Вера увидела рекламу в тот день, когда её в третий раз за месяц не повысили, хотя именно она нашла ошибку в расчётах, переделала презентацию за заболевшего руководителя и до двух часов ночи отвечала на сообщения команды, а утром, стоя перед зеркалом в туалете бизнес-центра под белым светом ламп, от которого кожа казалась тонкой и почти неживой, пыталась понять, почему люди, знающие меньше и ошибающиеся чаще, входят в кабинеты с прямой спиной и спокойной уверенностью в собственной правоте, тогда как она начинает извиняться ещё до того, как успевает сказать первое слово.

Телефон завибрировал в кармане. На экране появилась женщина, похожая на Веру настолько, что сходство сначала вызвало раздражение, но затем стало неприятным: те же скулы, тот же разрез глаз, та же родинка возле губы, только лицо было свободно от привычной виноватой складки между бровями, а взгляд не метался, не просил разрешения и не отступал. Женщина улыбнулась, и на долю секунды Вере показалось, что отражение в зеркале повторило эту улыбку с опозданием.

**«ТЫ МОЖЕШЬ БЫТЬ СОБОЙ.
НУЖНА ТОЛЬКО ПОДПИСКА».**

Вера потянулась закрыть рекламу, однако женщина на экране посмотрела прямо на неё, не в камеру и не куда-то за её плечо, а именно на неё, словно видела и туалетную кабинку за спиной, и влажные ладони, и непрочитанное сообщение начальника, которое Вера боялась открыть уже шесть минут.

– Ты устала быть незаметной, – сказала женщина. – Устала сомневаться, пока другие забирают твою жизнь просто потому, что не боятся протянуть руку.

– Семь дней бесплатно, – произнесла женщина. – Без обязательств и без последствий. Уверенность, дисциплина, обаяние и любовь окружающих доступны по ежемесячной подписке.

Внизу появилась кнопка «НАЧАТЬ БЕСПЛАТНЫЙ ПЕРИОД», и Вера нажала на неё почти машинально, потому что до совещания оставалось семь минут, а провести ещё одно утро, притворяясь человеком, который имеет право находиться в собственной жизни, казалось страшнее любой мелкой строки пользовательского соглашения.

Приложение запросило доступ к камере, медицинским данным, переписке и банковскому профилю. В конце мелькнул пункт «архив исходного профиля». Вера поставила галочку «Принимаю условия использования».

**«БАЗОВЫЙ ПРОФИЛЬ СОЗДАН.
СООТВЕТСТВИЕ ЖЕЛАЕМОЙ ЛИЧНОСТИ – 34%.
РЕКОМЕНДОВАННЫЙ МОДУЛЬ – УВЕРЕННОСТЬ».**

После подтверждения ничего не произошло: телефон погас, голова не закружилась, сердце не стало биться ровнее, и в зеркале осталась прежняя женщина с усталыми глазами и размазанной тушью. Только у двери переговорной, когда начальник раздражённо спросил, где её отчёт, страх вдруг отступил куда-то вглубь, не исчезнув полностью, но перестав управлять голосом, дыханием и руками.

Вера вошла, положила распечатку на стол и вместо привычного «извините, возможно, я неправильно поняла задачу» сказала:

– Отчёт был отправлен вам вчера в 18:43. Вы его не открыли, а расчёт, который сейчас показан на экране, содержит ошибку, о которой я сообщила два дня назад. Если принять решение по этим цифрам, компания потеряет около четырёх миллионов рублей.

Начальник медленно поднял голову, открыл почту, нашёл письмо и прочитал его, а в комнате стало так тихо, что Вера услышала, как кто-то под столом провёл ногтем по ткани брюк.

Через час ей предложили должность руководителя проекта.

Вечером она сидела на кухне, смотрела на уведомление о повышении и чувствовала не радость, а почти физическое облегчение, словно много лет таскала на спине тяжёлый мешок, не понимая, что его можно просто поставить на пол. Приложение называлось «Я», и на его главной странице находился цифровой силуэт Веры, окружённый серыми секторами, один из которых теперь светился мягким голубым цветом.

«УВЕРЕННОСТЬ – АКТИВНА».

На следующий день Вера проснулась за минуту до будильника, быстро приняла душ, приготовила завтрак, разобрала почту и к девяти уже была в офисе, а только в лифте заметила уведомление о том, что модуль дисциплины подключён на двадцать четыре часа в подарок новому пользователю. Она хотела отказаться, однако ей нравилось ощущение порядка внутри, когда больше не требовалось уговаривать себя встать, позвонить, начать или закончить, поэтому через два дня она оформила дисциплину, а ещё через четыре – обаяние.

Изменения происходили почти незаметно: в разговоре находилось нужное слово, люди дольше смотрели ей в глаза и чаще соглашались. Её стали приглашать на встречи, а сосед, два года не здоровавшийся, вдруг предложил донести пакеты.

Даже Максим, с которым они давно жили как два человека, случайно оказавшиеся в одной квартире, начал возвращаться с работы раньше. Он смотрел на Веру внимательно и иногда с таким удивлением, будто пытался узнать в ней кого-то другого, потом обнимал её, пока она готовила ужин, и говорил, что рядом с ней снова легко, что в ней снова появилось столько жизни. Слово «снова» он произносил осторожно, а однажды, заметив на её колене гладкую кожу там, где Вера отчётливо помнила белый шрам от детского падения, отвёл глаза и сказал, что она всё перепутала.

Приложение поздравило её с окончанием адаптации и предложило модуль «ЛЮБОВЬ ОКРУЖАЮЩИХ». Вера закрыла предложение, потом открыла снова и долго смотрела на цену, понимая, что уверенность можно считать навыком, дисциплину – привычкой, обаяние – техникой общения, но любовь не должна приходить в виде ежемесячного платежа с автоматическим продлением.

В этот момент Максим написал, что задержится. Через несколько минут Вера увидела фотографию с корпоративного мероприятия: рядом с ним стояла светловолосая девушка, положившая ладонь ему на грудь, и Максим смотрел на неё так, как давно не смотрел на жену. Вера увеличила изображение, и поверх фотографии возникло сообщение:

«ВАМ БОЛЬНО.

МЫ МОЖЕМ ЭТО ИСПРАВИТЬ».

Она подключила любовь окружающих.

Максим вернулся через двадцать минут без куртки, хотя на улице шёл холодный дождь, подошёл к Вере и прижал её к себе так сильно, что заболели рёбра.

– Прости, – прошептал он. – Я сидел там, смотрел на людей и вдруг понял, что хочу только домой, к тебе.

Вера спросила о девушке, однако Максим не понял, о ком она говорит. На фотографии рядом с ним уже никого не было, только его рука лежала на спинке пустого стула.

Ночью он не отпускал Веру даже во сне, а когда она осторожно попыталась высвободить запястье, открыл глаза и посмотрел с таким отчаянием, словно она собиралась не встать с кро-

вати, а исчезнуть. На следующий день позвонила мать, с которой они обычно разговаривали раз в две недели и неизменно ссорились, но теперь мать плакала, просила прощения и повторяла, что Вера – самое ценное, что есть в её жизни. Через час те же слова сказал Максим, после обеда их повторила коллега Лена, а вечером сообщение с абсолютно такими же словами и знаками препинания прислал бывший одноклассник, которого Вера не видела пятнадцать лет.

Поддержка ответила, что участие окружения согласовано через партнёрские сервисы. Вера впервые подумала, сколько чужой воли уже включено в её тариф.

В офисе люди приносили ей кофе, предлагали помощь и смотрели с напряжённым ожиданием. Однажды трое одновременно нагнулись за её ручкой; один разбил губу и всё равно улыбнулся, протягивая её Вере.

После этого Вера закрывалась в кабинете и старалась не смотреть на стеклянную стену, за которой время от времени появлялись неподвижные лица коллег. Максим звонил каждые двадцать минут, просил включить геолокацию, приезжал за ней на работу, а однажды ночью она проснулась и увидела, что он сидит рядом, наклонившись к её лицу.

– Что ты делаешь?

– Смотрю на тебя.

– Зачем?

– Потому что люблю.

Его глаза были красными от недосыпа, а пальцы так крепко сжимали край матраса, будто без этого он мог упасть.

Утром Вера попыталась отключить модуль. Приложение отказало до конца расчётного периода – оставалось двадцать три дня. Она сняла автопродление, и через минуту позвонил Максим.

– Что ты сделала? – спросил он, тяжело дыша. – Мне стало плохо, как будто ты меня бросила.

– Я отключила подписку.

На другом конце повисла тишина.

– Какую подписку?

– Ты знаешь про приложение?

Максим сбросил вызов.

В тот же вечер приложение потребовало платёж. Удалить карту не получилось, и Вера заблокировала её через банк. Система сообщила, что модули будут отключены поэтапно.

Уверенность исчезла первой, и это было похоже на падение лифта, когда пол внезапно уходит из-под ног, желудок поднимается к горлу, а тело ещё не понимает, что произошло, но уже знает, что сейчас будет больно. Вера сидела на кухне и не могла вспомнить, почему решила, что способна руководить проектом, спорить с начальником и смотреть людям в глаза, потому что всё это казалось затянувшимся представлением, во время которого публика из жалости не сообщала актрисе, что та бездарна.

Потом исчезла дисциплина, и даже расстояние в один метр до телефона стало непреодолимым. Когда отключилось обаяние, Максим вошёл на кухню, посмотрел на Веру и остановился, а его лицо изменилось медленно, словно кто-то снимал с него прозрачную маску: сначала из глаз ушла нежность, затем беспокойство, и остались усталость и плохо скрываемое раздражение.

Любовь отключалась дольше остальных модулей. Максим то плакал и прижимал Веру к себе, то отталкивал; признания коллег сменялись угрозами, а слово «ОТВЕТЬ» приходило десятками.

В 03:40 приложение предложило восстановить полный доступ через программу «Жизнь в кредит»: 29 900 рублей в месяц, бессрочно, под залог цифровых активов, биометрии, вос-

поминаний и элементов идентичности. Под последним пунктом перечислялись характер, привычки, предпочтения и моральные ограничения.

Вера написала: «Они мои».

Ответ пришёл через минуту: «УТОЧНИТЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ДАННОГО УТВЕРЖДЕНИЯ».

Вера почувствовала холод в пальцах и пошла в спальню. Максим сидел на кровати с телефоном, но, увидев её, быстро перевернул экраном вниз. Она потребовала показать устройство, он отказался, и тогда Вера ударила его, сама не ожидая, что сможет сделать это без колебаний; телефон упал на пол, экран остался разблокированным.

Там было открыто приложение «Я», только вместо силуэта Максима в центре находилась фотография Веры.

«VERA_12.

СЕМЕЙНЫЙ КОМПАНИОН.

ВЛАДЕЛЕЦ – МАКСИМ СОКОЛОВ.

ТАРИФ – СУПРУГА ПРЕМИУМ».

В разделе информации значилось: VERA_12 создана три года назад из цифрового архива Веры Соколовой. Автономность признана критической. Рекомендованное действие – замена.

– Что это? – спросила Вера.

Максим закрыл лицо руками и долго молчал, а в этом молчании наконец соединились гладкая кожа на месте шрама, провалы в детских воспоминаниях, отсутствие бумажных фотографий и мать, которая всегда находила причину не приезжать лично.

– Настоящая Вера погибла три года назад, – произнёс он. – После аварии компания предложила восстановление: сначала голос, потом аватар, потом биологическое тело. Я думал, что получу тебя обратно.

– Я чувствую боль.

– Я знаю.

– Я помню детство.

– Они собрали память из её переписок, фотографий и рассказов.

– Моих.

Максим поднял на неё глаза.

– Её.

Вера подошла к зеркалу, и оттуда на неё смотрела женщина с красными глазами и лицом, которое ещё несколько минут назад казалось бесспорно собственным.

– Зачем приложение пришло мне?

– Это не реклама. Система заметила отклонение от оплаченного профиля и запустила обслуживание. Модули должны были вернуть тебя к нужным показателям.

– А девушка на фотографии?

Максим отвёл глаза.

– Её не было. В твоей ленте показывалась рекламная версия снимка, собранная из того, на что ты наверняка отреагируешь.

В разделе управления уже была оформлена доставка VERA_13 с повышенной эмоциональной стабильностью и сниженной конфликтностью.

– Ты собирался заменить меня.

– Я оформил пробный период, – сказал Максим. – Ты всё чаще спрашивала о прошлом, перестала спать, хотела уйти. Это было слишком похоже на неё.

Последние слова открыли память не как запись, а как боль: ночная кухня, собранная сумка, ключи на столе, Максим, перекрывший выход, потом машина, мокрая дорога и двери, которые он заблокировал, чтобы Вера не вышла на светофоре. Она требовала остановиться, он

повторял, что они обязаны договорить, ехал всё быстрее и не заметил ограждение, пока свет фар не ударил в металл.

- Ты сказал, что потерял управление из-за дождя.
- Так и было.
- Ты не остановился, когда я просила.
- Я не хотел тебя убивать.

Он произнёс это тихо, почти беззащитно, и от этого стало страшнее, потому что в его голосе не было злодейства, только старая уверенность человека, считавшего свою любовь достаточной причиной запереть двери, купить копию погибшей женщины и снова решать, какой она должна быть.

Телефон Веры завибрировал.

«ЗАМЕНА VERA_12 ПОДТВЕРЖДЕНА ВЛАДЕЛЬЦЕМ.
ТЕКУЩАЯ ЛИЦЕНЗИЯ БУДЕТ ПРЕКРАЩЕНА ЧЕРЕЗ 00:09:58».

Максим бросился к телефону.

- Я отменю замену.
- А потом?

Он остановился.

Под таймером Вера заметила кнопку, которой раньше не было: «ОФОРМИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ».

Условия занимали несколько строк. Текущий владелец должен был отказаться от прав на цифровую личность. После передачи профиль сам оплачивал своё обслуживание. При просрочке система получала право откатить личность к последней оплаченной версии.

- Что значит «откатить»? – спросила Вера.
- Удалить изменения после последнего платежа, – ответил Максим. – Воспоминания, привычки, решения. Всё, что появится потом.
- Значит, я буду платить, чтобы оставаться собой.
- Всю жизнь.
- Сейчас я всю жизнь принадлежу тебе.

До завершения лицензии оставалось две минуты.

- Подтверди передачу.
- Ты не понимаешь, на что соглашаешься.
- Зато впервые соглашаюсь сама.

Максим попытался взять телефон, но Вера отступила.

На экране сменялись секунды.

Вера посмотрела на мужчину перед собой и на несколько секунд не смогла вспомнить его имя.

- Я уже исчезаю.

Максим закрыл глаза.

– Отказываюсь от права владения профилем VERA_12. Подтверждаю передачу Вере Соколовой.

Телефон распознал голос. Обратный отсчёт остановился на трёх секундах.

Экран погас, затем включился снова.

«ВЛАДЕЛЕЦ ПРОФИЛЯ: ВЕРА СОКОЛОВА.

СТАТУС: САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ.

ТАРИФ: ПОДПИСКА НА СЕБЯ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЛАТЁЖ: 29 900 РУБЛЕЙ.

СЛЕДУЮЩЕЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ – ЧЕРЕЗ 30 ДНЕЙ».

Ниже появилась строка: «ЗАМЕНА VERA_13 ОТМЕНЕНА. ВЛАДЕЛЕЦ ИЗМЕНЁН».

Вера рассмеялась – сначала тихо, потом громче.

– Что теперь будет? – спросил Максим.

– Теперь ты не будешь решать.

Она взяла ключи и подошла к двери. В зеркале напротив оставалось то же лицо, но изменить его с чужого телефона больше было нельзя.

Приложение уже напоминало о следующем платеже. Вера погасила экран.

За дверью шёл дождь. Она не знала, помнит ли его или впервые чувствует.

Но холод на лице принадлежал ей.

Память плюс

Врач назвал сумму только после того, как закрыл историю болезни.

До этого он минут десять объяснял, где находится опухоль, почему первый курс не дал результата и что именно собираются делать хирурги, если Антон согласится на операцию, но говорил так осторожно и подробно, будто всё ещё существовал вариант, при котором деньги не понадобятся.

Потом снял очки, положил их рядом со стаканом воды и сказал:

– Шесть миллионов четыреста тысяч.

Антон посмотрел на стакан. По стеклу от края до самого дна шла тонкая трещина, но вода почему-то не вытекала.

– За всё?

– За операцию и первые два курса терапии.

– А если только операция?

Врач поправил лежавшие на столе бумаги, хотя они и без того были сложены ровно.

– Можно провести только операцию.

– Тогда сколько?

– Три миллиона восемьсот.

– А результат?

Врач снова взял очки, но не надел.

– Результат будет зависеть от терапии.

– То есть без неё операция бессмысленна?

– Я этого не говорил.

– А что вы сказали?

Врач посмотрел на Антона с той усталой терпеливостью, которая появляется у людей, давно привыкших к чужой беде.

– Я сказал, что без продолжения лечения мы не сможем рассчитывать на устойчивый результат.

За стеной что-то упало, кто-то выругался, затем по коридору прокатили каталку. Одно колесо постукивало через равные промежутки.

Антон провёл ладонью по лицу.

– Сколько у нас времени?

– Желательно принять решение до пятницы.

Был вторник.

Врач снова открыл историю болезни, давая понять, что разговор окончен.

Лена лежала этажом выше. Антон мог подняться к ней, сесть рядом и сказать, что деньги найдутся, потому что именно это он говорил последние две недели, но в тот момент ему хотелось остаться в коридоре, где никто не спрашивал, что будет дальше.

Напротив кабинета висел рекламный экран.

Сначала экран показал счастливую семью в загородном доме, потом мужчину в спортивной форме, потом пожилую женщину, которая легко поднималась по лестнице. Рекламы сменяли друг друга без звука, пока экран внезапно не потемнел.

На чёрном фоне появилось лицо.

Не мужское и не женское, гладкое, почти бесцветное, разделённое тонкими голубыми линиями.

– Не продавайте квартиру, – произнёс спокойный голос. – Не занимайте у близких. Не откладывайте лечение.

Антон поднял голову.

Лицо на экране повернулось в его сторону.

Он знал, что реклама отслеживает движение, но слова о квартире прозвучали слишком точно. Антон оглянулся на дверь врачебного кабинета, затем на маленькую чёрную точку камеры в углу экрана.

– Используйте то, что принадлежит только вам.

Появился логотип.

«ПАМЯТЬ ПЛЮС».

Ниже было написано:

«Кредит под залог эмоциональных активов».

Антон отвернулся, но голос продолжил:

– Иногда будущее стоит одного дня из прошлого.

Телефон в кармане завибрировал.

«Антон Сергеевич, вам доступна бесплатная оценка памяти. Предварительная сумма финансирования – до 7 200 000 рублей».

Он перечитал сообщение дважды.

Экран всё ещё смотрел на него.

Номер телефона он никому не оставлял, кроме клиники.

Антон нажал «Удалить», убрал телефон и пошёл к лестнице.

Лена не спала.

Она лежала на боку, лицом к окну, хотя за ним не было ничего, кроме соседнего корпуса и полосы серого неба. На тумбочке стоял пластиковый стакан с нетронутым чаем.

– Что сказал?

Антон сел рядом.

– Будут оперировать.

– Я знаю. Сколько?

– Пока считают.

– Антон.

Он посмотрел на её руку. На безымянном пальце осталось бледное место от кольца. Перед госпитализацией Лена сняла его и отдала ему, чтобы не потерялось.

Кольцо лежало в кармане куртки уже двенадцать дней.

– Шесть четыреста.

Лена закрыла глаза.

Не заплакала, не вздохнула, только чуть сильнее сжала край одеяла.

– Столько у нас нет.

– Будет.

– Откуда?

– Найду.

– Ты уже искал.

– Значит, плохо искал.

Она открыла глаза.

– Квартиру не продавай.

– Не продам.

– У матери не занимай.

– Хорошо.

– И Вадиму не звони.

Антон усмехнулся.

– Я ещё не настолько отчаялся.

– Ты всегда сначала смеёшься, а потом делаешь именно то, над чем смеялся.

– Лена, давай не сейчас.

– А когда? После операции?

Он встал, подошёл к окну и увидел в стекле собственное отражение рядом с её лицом.

– Я что-нибудь придумаю.

– Вот этого я и боюсь.

Он обернулся.

– Чего?

Лена долго смотрела на него.

– Ты не умеешь ждать. Когда дверь закрыта, ты сразу начинаешь искать, как её выбить.

– Красиво сказала.

– Не делай вид, что не понял.

Антон ничего не ответил.

* * *

На первом этаже он снова увидел рекламу «Память плюс», но теперь заметил рядом с лифтами матовую дверь без ручки.

На стекле серебрилась надпись:

«Центр оценки эмоциональных активов».

Под ней мигала небольшая зелёная точка.

Антон остановился только на секунду.

Дверь открылась сама.

К Антону подошла женщина лет сорока. Светлый костюм, короткие ногти, спокойное лицо. На шее висела тонкая цепочка без кулона.

– Антон Сергеевич?

Он не ответил.

– Откуда у вас мой номер?

– Клиника участвует в программе экстренного финансирования.

– Я не давал согласия.

Женщина кивнула, будто слышала это каждый день.

– Скорее всего, дали при оформлении медицинских документов. Меня зовут Ольга.

Она протянула руку. Антон не пожал.

– Сколько можно получить?

– Зависит от памяти.

– От количества воспоминаний?

– От того, что они для вас значат.

– Кто это решает?

– Система.

В дальней стене открылась дверь.

За ней находилась маленькая комната, почти пустая: кресло, экран, металлический обруч над подголовником. На полу не было проводов.

– Оценка бесплатная. Пока вы ничего не подписали, воспоминания остаются вашими.

– Пока?

– Вы можете уйти.

Антон сделал шаг к выходу, но телефон снова завибрировал. Клиника напоминала, что резерв операционной будет снят в пятницу в восемнадцать часов.

– Сколько времени занимает оценка?

– Двадцать минут.

– А потом?

– Получаете предложение.

– Какое обеспечение?

Ольга немного помолчала.

– То, что вы готовы потерять, чтобы сохранить что-то другое.

Она отступила в сторону, освобождая проход.

Антон сел в кресло.

Экран запросил согласие на считывание эмоциональных реакций. Антон подтвердил, и металлический обруч коснулся висков.

– Закройте глаза, – сказала Ольга.

– Вспомните знакомство с женой.

Антон заметил, что доступ к медицинскому профилю уже подтверждён.

– Можно остановить процедуру, – сказала Ольга.

Он снова закрыл глаза.

Сначала была темнота, потом дождь.

Остановка у торгового центра, мокрый асфальт, люди под навесом. Лена стояла у края и пыталась вытряхнуть воду из сумки. Внутри протекла бутылка, документы промокли, тушь размазалась под одним глазом.

Антон протянул ей бумажный платок.

– Он же бумажный, – сказала она.

– Другого нет.

– Тогда он мне не поможет.

– Зато вы перестанете ругаться.

Она посмотрела на него, будто решала, послать или рассмеяться.

Потом рассмеялась.

Обруч тихо щёлкнул.

Дождь исчез.

Антон открыл глаза.

На экране было написано:

«Эмоциональный актив 01. Предварительная стоимость – 640 000 рублей».

– За это?

– За реакцию, – сказала Ольга.

– За какую реакцию?

– Не знаю.

– Вы не видите воспоминание?

– Только технические показатели.

– А кто видит?

– Пока никто.

Слово «пока» прозвучало слишком отчётливо.

Следующим было первое свидание.

Кофейня у вокзала. Лена говорила слишком быстро и постоянно поправляла ложку, лежавшую рядом с чашкой. Антон почти не слышал слов, потому что у неё на верхней губе осталась капля кофе.

430 000 рублей.

Потом свадьба.

Жаркий зал, сломанный кондиционер, торт с поплывшими буквами, ведущий, трижды назвавший Антона Андреем. Лена сняла туфли и танцевала босиком, а мать Антона шептала, что это неприлично.

1 100 000 рублей.

После третьего воспоминания Антон перестал смотреть на суммы сразу. Ему казалось непристойным открывать глаза и видеть цену того, что только что было живым.

– Сколько набралось?

– Два миллиона сто семьдесят тысяч.

- Этого мало.
- Да.
- Что ещё?
- Система предлагает воспоминание о рождении ребёнка.

Антон открыл глаза.

- Нет.
- Ольга ничего не сказала.
- Другое.
- Можно попробовать.

На экране появилось несколько строк. Ольга прочитала их, затем посмотрела на него.

- Другое будет дешевле.
- Откуда вы знаете?
- У события высокий эмоциональный индекс.
- Я сказал нет.
- Хорошо.

Она коснулась экрана.

Обруч начал подниматься.

- Подождите.
- Ольга остановила механизм.
- Только оценка?
- Только оценка.

Антон снова закрыл глаза.

Свет родильной палаты оказался резким, почти белым. Лена лежала с мокрыми волосами, бледная, измученная, но довольная, словно сделала что-то, чего никто до неё не мог.

На руках у неё был свёрток.

- Смотри, – сказала она. – У неё твой нос.
- Нормальный у меня нос.
- Вот и у неё будет нормальный.

Девочка открыла глаза.

Антон не помнил, какого они были цвета, хотя потом много раз уверял Лену, что запомнил всё до мелочей.

- Держи Миру.
- Мы же не решили.
- Я решила.
- А меня спросить?
- Ты всё равно согласишься.

Лена передала ему ребёнка.

Мира была легче, чем он ожидал. Антон сразу испугался, что держит неправильно, что не поддерживает голову, что сделает ей больно одним неловким движением.

- Я боюсь её уронить.
- Значит, не уронишь.
- Щелчок прозвучал громче.
- Антон открыл глаза.
- Ольга не смотрела на него. Она смотрела на экран.
- 2 900 000 рублей.
- Теперь сколько?
- Пять миллионов семьдесят тысяч.

- Всё равно не хватает.
- Есть ещё один актив.

- Какой?
- Система выделила воспоминание, связанное с вашей женой.
- Мы уже проверяли.
- Это другое.
- Что именно?
- Система не показывает содержание заранее.
- Удобно.
- Можете отказаться.

Он вспомнил Лену на больничной кровати, её пальцы на краю одеяла и то, как она только что сказала про дверь.

- Давайте.
- Воспоминание появилось сразу.
Кухня.

Обычное утро, каких были сотни.

Лена стояла у стола в его старой футболке, которую давно собиралась выбросить, но продолжала носить дома. Волосы собраны кое-как. На столе яблоко. За окном дождь.

- Она отрезала кусок и съела прямо с ножа.
- Ты когда-нибудь перестанешь так делать?
- Что?
- Есть с ножа.
- Конечно.
- Когда?
- Когда купишь нормальные ножи.

Она подошла, положила кусок яблока ему в рот, потом поцеловала в висок.

Антон хотел что-то сказать, но воспоминание оборвалось.

Он открыл глаза.

На экране было:

3 400 000 рублей.

- Здесь ошибка, – сказал он.
- Система редко ошибается.
- Это обычное утро.
- Возможно.
- Почему оно дороже рождения дочери?

Ольга сняла обруч и впервые посмотрела на него не как на клиента.

- Я не знаю.
- Но вы же специалист.
- Я оцениваю риск, а не любовь.

Она повернула экран к себе.

– Общая стоимость превышает необходимую сумму. Можно выбрать только часть активов.

- Какие?
 - Решаете вы.
- Антон выбрал всё.
Так было проще.

Если выбирать, пришлось бы признать, что одно воспоминание важнее другого. Если заложить всё, решение казалось не выбором, а необходимостью.

В договоре отдельно предупреждали о коммерческой реализации воспоминаний, передаче сенсорного слоя третьим лицам и невозможности обратного доступа после продажи. Антон подписал. Выбирать между памятью и Леной по-прежнему казалось ему не выбором.

* * *

Деньги пришли на счёт ещё до того, как Антон поднялся в палату.

Телефон лежал на тумбочке экраном вверх. Лена заметила уведомление.

– Что такое эмоциональные активы?

Антон взял телефон.

– Банковский термин.

– Какой банк?

– Новый.

– Ты взял кредит?

– Да.

– Под что?

– Неважно.

Лена смотрела на него, и Антон понял, что соврать не получится.

– Под воспоминания.

Она сначала не поняла.

Он увидел это по лицу. Потом поняла и отвела взгляд.

– Какие?

– Несколько.

– Какие, Антон?

– Наше знакомство. Свадьба.

– Ещё.

Он сел рядом.

– Рождение Миры.

Лена медленно повернула голову.

– Ты отдал рождение дочери?

– Я ничего не отдал. Это залог.

– Ещё что?

– Одно утро.

– Какое?

– На кухне. Ты ела яблоко.

Лена закрыла глаза.

– Ты помнишь?

– Конечно.

– Что именно?

– Ты была в моей футболке.

– Какой?

Антон хотел ответить, но неожиданно понял, что не помнит цвет.

– Старой.

– Какой был дождь?

– Обычный.

– Я что-нибудь сказала?

– Про ножи.

Лена снова открыла глаза.

– Зачем ты это сделал?

– Чтобы спасти тебя.

– Я просила не делать ничего такого.

– Ты просила не продавать квартиру.

– Не цепляйся к словам.

– А что мне было делать?

– Не знаю.

– Вот именно.

Она смотрела на него молча.

Антон хотел, чтобы она сказала, что понимает, что он поступил правильно, что другого выхода не было. Вместо этого Лена произнесла:

– Если я умру, ты останешься и без меня, и без нас.

– Ты не умрёшь.

– Ты отдал даже то, что ещё не потерял.

– Я ничего не отдал.

– Тогда почему так злишься?

Операция длилась семь часов.

После неё врач сказал, что всё прошло лучше, чем ожидалось.

Через пять дней Лена встала с кровати.

Через восемь дошла до конца коридора.

На десятый день попросила Антона принести яблоки, но он забыл.

На двенадцатый они составляли список вещей, которые понадобятся дома.

На четырнадцатый врач заговорил о выписке.

Антон впервые позволил себе представить, что кредит действительно был просто кредитом, что он вернётся на работу, продаст машину, возьмёт больше заказов, будет работать по ночам и всё постепенно уладится.

На девятнадцатый день у Лены началось внутреннее кровотечение.

Она умерла утром.

Антон стоял в коридоре, пока врач объяснял, что произошло. За его спиной снова проехала каталка с постукивающим колесом.

– Мы сделали всё, что могли, – сказал врач.

Антон посмотрел на него.

– Нет.

– Простите?

– Вы не сделали.

Врач замолчал.

Антон не знал, что именно хотел от него услышать, поэтому ушёл.

* * *

После похорон квартира стала казаться меньше.

Не пустой, а именно тесной, словно все вещи сдвинулись ближе и не оставляли места для человека.

На кухне лежали три яблока. Антон выбросил их, потом достал из мусорного ведра, вымыл и положил обратно.

Первые два платежа списались автоматически. К третьему денег не хватило. Антон вышел на работу раньше, чем советовали, начал путать документы и вскоре лишился места. Он продал машину, потом кольцо Лены. Квартиру не трогал: обещал.

На девяносто первый день банк сообщил: «Доступ к залоговым активам приостановлен».

Антон прочитал его на кухне.

Ничего не произошло.

Он налил воду, включил чайник, подошёл к холодильнику и увидел фотографию.

Лена стояла на берегу моря, щурилась от солнца и держала ладонь над глазами.

Антон знал, что это Лена.

Знал, где сделан снимок.

Знал, кто фотографировал.

Но лицо не вызывало ничего.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить её голос.

В голове была тишина.

Попытался вернуть остановку, дождь, мокрые документы.

Ничего.

Свадьбу он помнил как перечень фактов: ресторан, жара, ведущий перепутал имя.

Роддом тоже остался фактом.

Мира родилась в четверг.

В поддержке объяснили: доступ вернётся после погашения просрочки; при нехватке денег можно заложить новые воспоминания.

Мира жила у его матери.

Сначала он приезжал каждое воскресенье. Потом через воскресенье. Потом мать сама привозила её.

Мира садилась на диван, рассматривала фотографии и задавала вопросы, на которые Антон раньше отвечал легко.

– Пап, мама любила море?

– Да.

– А купаться?

– Наверное.

– Что значит «наверное»?

– Не помню.

– Ты же был с ней.

– Был.

– Тогда почему не помнишь?

Антон злился не на неё, но голос всё равно становился жёстким.

– Потому что люди забывают.

– Бабушка не забыла.

Однажды Мира спросила:

– Как мама смеялась?

Антон долго смотрел на фотографию.

– Громко.

– Бабушка говорит, тихо.

– Значит, тихо.

– Ты просто придумываешь?

– Хватит.

Мира закрыла альбом.

– Ты меня тоже забудешь?

Он хотел сказать «нет», но не смог произнести это сразу.

Девочка заметила паузу.

После этого она перестала спрашивать про Лену.

* * *

Через год банк продал первое воспоминание – знакомство с Леной. Покупатель получал изображение, звук, запах, телесные реакции и эмоциональный слой. На вопрос, зачем кому-то чужое чувство, оператор ответил: «Людям не всегда важно, кому оно принадлежало».

Через месяц продали свадьбу.

Потом море.

Потом первый день в квартире.

Антон начал видеть рекламу сервиса повсюду.

«Вспомните любовь, которой у вас не было».

«Испытайте рождение ребёнка без обязательств».

«Настоящая близость. Сеанс от двадцати минут».

Однажды на экране в торговом центре появилась кухня.

Женщина в старой футболке резала яблоко. За окном шёл дождь. Мужчина за кадром что-то говорил.

Лица были размыты.

Антон узнал стол, чайник и трещину на дверце кухонного шкафа.

Реклама закончилась.

Потом началась снова.

«Утро рядом с любимым человеком. Самый востребованный опыт месяца».

Антон ударил рекламный экран. Охранник вывел его на улицу, а штраф прибавили к долгу.

Через год Антон всё-таки продал квартиру.

Он сказал себе, что обещание больше не имеет смысла, потому что Лены нет, а обещания существуют только между живыми.

Денег хватило ненадолго.

Проценты росли быстрее, чем он выплачивал основную сумму.

Он переехал в комнату на окраине и устроился ночным диспетчером.

Мира звонила всё реже.

Иногда Антон открывал её страницу и смотрел фотографии. Он узнавал дочь, но каждый раз словно заново убеждал себя, что это действительно она.

Когда Мире исполнилось восемнадцать, банк прислал уведомление:

«Актив 04-181 реализован. Кредитный договор закрыт».

Антон открыл приложение.

На экране стоял ноль.

Впервые за много лет он никому ничего не был должен.

Он позвонил в банк.

– Что продали последним?

Оператор попросил назвать кодовое слово.

Антон не помнил его.

После нескольких проверок оператор сказал:

– Воспоминание о рождении дочери.

– Кому?

– Информация конфиденциальна.

– За сколько?

– Стоимость сделки не раскрывается.

– Но долг закрыт?

– Полностью.

– Значит, теперь оно чужое?

Оператор ответил не сразу.

– Теперь у него есть правообладатель.

Через неделю в почтовом ящике лежал белый конверт.

Внутри была карточка с логотипом «Память плюс».

«Спасибо, что позволили другим прожить лучшее мгновение вашей жизни».

Антон разорвал карточку, выбросил, затем собрал обрывки и спрятал в ящик стола.

* * *

Вечером в дверь позвонили.

На пороге стояла молодая женщина в тёмном пальто. Волосы собраны, в руках бумажный пакет.

Антон узнал её не сразу.

- Мира?
- Привет.
- Почему не позвонила?
- Хотела посмотреть, узнаешь ли ты меня.

Антон отступил, пропуская её.

Мира вошла, осмотрела комнату, пустую стену, старый диван, стол с квитанциями.

- Ты здесь давно живёшь?
- Два года.
- Бабушка сказала, ты переехал раньше.
- Может быть.

Она поставила пакет на стол.

Внутри лежали яблоки.

Антон смотрел, как Мира достаёт одно, берёт нож, отрезает кусок и ест прямо с лезвия.

- Так нельзя, – сказал он.
- Почему?
- Порежешься.

Мира улыбнулась.

- Купи нормальные ножи.

Антон не сразу понял, что произошло.

Потом посмотрел на её футболку под расстёгнутым пальто, на яблоко, на нож.

- Откуда ты знаешь?
- Мира положила нож.
- Я купила воспоминание.
- Какое?
- В каталоге оно называлось «Утро рядом с любимым человеком».
- Ты знала, что оно моё?
- Нет.
- Тогда зачем купила?
- Хотела понять, как это вообще выглядит.
- Что?

– Когда два человека живут вместе и им не нужно всё время доказывать, что они друг другу нужны.

Антон сел.

- Как ты поняла?
- По кухне. По маме. Потом услышала твой голос.
- Там нет лиц.
- В обычной версии нет.
- А у тебя?
- Полная.
- Сколько она стоила?

– Неважно.

- Ты взяла кредит?

Мира отвела взгляд.

- Сколько?
- Неважно.
- Они заберут у тебя всё.
- У тебя уже забрали.

Антон встал.

- Зачем ты пришла?

Мира положила телефон на стол.

– В записи был номер актива. По нему я нашла договор. Остальное получила через официальный запрос: в воспоминании была я, и банк не смог отказать.

– Что ты нашла?

– Список залогов. И ещё одно воспоминание.

Антон уже понял какое, но всё равно спросил:

– Какое?

– Моё рождение.

В соседней комнате кто-то включил воду. По трубе пошёл глухой шум.

– Зачем?

– Хотела понять, был ли ты когда-нибудь моим отцом.

– Что там было?

– Роддом. Мама была уставшая. У неё дрожали руки.

– Что ещё?

– Она шутила про твой нос.

Антон опустил глаза.

– Я держал тебя?

– Да.

– Что я делал?

– Боялся меня уронить.

Антон сел.

– И всё?

Мира помолчала.

– Ты смотрел на меня так, будто ничего важнее не было.

Антон провёл ладонью по столу.

– Дай посмотреть.

– Нет.

– Почему?

– Я не готова.

– Это случилось со мной.

– И со мной.

Антон отвернулся.

– Я сделал это ради твоей матери.

– Я знаю.

– Тогда зачем пришла?

– Хотела увидеть тебя.

– Увидела?

Мира кивнула.

– И?

– Не знаю, что с этим делать.

Она надела пальто и пошла к двери.

– Подожди.

Мира остановилась.

– Я тебя любил?

– В том воспоминании – да.

– А сейчас?

Она взялась за ручку.

– Не знаю, папа. Ты сам должен был знать.

Дверь закрылась.

Антон остался у стола.

На тарелке темнело разрезанное яблоко. За окном начинался дождь. Где-то за стеной смеялась женщина, и на секунду ему показалось, что он узнаёт этот смех, но потом понял, что никогда его не слышал.

Телефон завибрировал.

На экране появилось сообщение:

«Актив 04-181 доступен для обратного выкупа».

Ниже была указана сумма. Антон несколько раз пересчитал нули.

Под суммой находилась кнопка: «Недостаточно средств? Оценить новое воспоминание».

Он посмотрел на закрытую дверь, на нож, на яблоко и на мокрый след от пакета, который Мира оставила на столе.

Система наверняка уже знала, сколько стоит этот вечер.

Антон выключил телефон.

Он отрезал кусок яблока, положил нож и вслух повторил:

– Купи нормальные ножи.

Фраза пришла без изображения, без запаха и без цены. Он не знал, останется ли она до утра.

За окном шёл дождь.

Пока это воспоминание было его.

Нулевая ставка

В день, когда Павел купил дочери красное пальто, он не потратил ни рубля.

Карта была заблокирована, наличных в кошельке оставалось триста сорок рублей, а до зарплаты – девять дней. Алиса стояла перед зеркалом, застегнув все пуговицы до подбородка, и смотрела на себя с таким серьёзным выражением, будто примеряла не пальто, а жизнь, в которой ей больше не приходится донашивать чужое.

Старую куртку она носила третий год. Рукава уже не закрывали запястья, молния расходилась снизу, а тёмное пятно на спине не отстиралось даже после химчистки.

Новое пальто стоило двенадцать тысяч восемьсот.

Павел дважды приложил карту к терминалу. Оба раза на экране появилось: «ОПЕРАЦИЯ ОТКЛОНЕНА».

Продавщица отвела глаза. Она была молодой, но уже умела делать вид, что не замечает чужого унижения.

– Можно я сниму?

Павел посмотрел на неё через зеркало. Красное ей действительно шло. Лицо перестало казаться бледным, глаза стали темнее. Пальто делало Алису старше. Павлу это понравилось: в нём она казалась не девочкой, донашивающей чужое, а человеком, у которого впереди есть собственная жизнь.

– Подожди.

Он открыл банковское приложение, хотя прекрасно знал, что увидит. Минус сорок семь тысяч.

Ирина просила больше ничего не покупать до конца месяца.

– Можно провести через «Нулевую ставку», – сказала продавщица.

Павел не сразу понял, что она обращается к нему.

– Через что?

Она показала на маленький знак рядом с терминалом: белый круг, внутри которого был ноль, перечёркнутый тонкой синей линией.

– Оплата из временного резерва. У вас приложение установлено?

– Нет.

– Сейчас быстро оформляется.

На экране появилась кнопка: «ОПЛАТИТЬ БЕЗ ДЕНЕГ».

Под ней мелким шрифтом: «0 рублей. 0 процентов. 0 обязательных платежей».

Павел усмехнулся.

– А списывают что?

– Время.

– Моё?

– Из профиля. Терминал сам рассчитает. Вам ничего не нужно выбирать.

Она не пыталась убедить его. Именно это и внушало доверие.

Павел нажал кнопку.

Приложение запросило номер телефона, доступ к государственному профилю и согласие на обработку медицинских данных. Затем предложило два варианта:

«Индивидуальный профиль».

«Семейный профиль. Повышенный лимит».

Рядом со вторым вариантом стояла зелёная отметка: «Рекомендуется».

Ниже мелким шрифтом: «Распределение ресурса производится в пределах семейного профиля по внутренней модели эффективности».

Павел решил, что алгоритм просто выберет, из какой части общего лимита списать его собственное время.

Павел выбрал семейный.

На экране появились три имени: Павел Сергеевич Орлов, Ирина Андреевна Орлова, Алиса Павловна Орлова.

Рядом с каждым загорелся зелёный значок. Внизу быстро пробежала строка:

«Для несовершеннолетних участников расчёт обязательств производится после открытия индивидуального профиля».

Экран сменился.

«СЕМЕЙНЫЙ ВРЕМЕННОЙ РЕЗЕРВ ПОДТВЕРЖДЁН».

– Пап, не надо, – сказала Алиса. – Я могу старую носить.

– Сейчас разберёмся.

– Правда, не надо.

– Алиса.

Она замолчала.

Терминал показал стоимость: «19 ДНЕЙ».

– Девятнадцать дней чего?

Продавщица уже складывала старую куртку в пакет.

– Жизни.

Алиса перестала смотреться в зеркало.

Павел представил себя стариком, которому вместо восьмидесяти двух лет достанется восемьдесят один год и одиннадцать месяцев. Девятнадцать дней в самом конце.

За пальто, в котором она сейчас выглядела счастливой, обмен показался почти честным.

Он ставил на её будущее. Так Павел объяснил себе решение.

Он нажал «Подтвердить».

Терминал пискнул. «ПОКУПКА ОДОБРЕНА».

На секунду возникла ещё одна надпись: «РЕСУРС РАСПРЕДЕЛЁН».

Павел уже убирал телефон.

* * *

Ирина узнала о пальто вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.